

Ирина Попадейкина

Проза Дмитрия Липскерова и психоанализ.

В данной статье рассматривается проза современного российского писателя Дмитрия Липскерова в аспекте психоанализа. Некоторые его произведения («Эдипов комплекс», «Ожидания Соломеи», «Груша из папье-маше») представляют собой вариации Эдипова комплекса. Благодаря творчеству этот автор избавляется от негативных эмоций, а также в мире произведений реализуются некоторые его бессознательные желания.

Ключевые слова: Д. Липскеров, психоанализ, Эдипов комплекс, фантазии

Открытия Зигмунда Фрейда совершили переворот не только в психологии, психиатрии, но также в других областях, в том числе и в литературоведении. Сам Фрейд обращался к литературе, которая служила наглядным примером выдвинутых им теорий, а также источником плодотворных идей.

В России знакомство с психоаналитическими идеями началось уже в 1904 г., именно тогда была переведена работа Фрейда «*О сновидении*». Несмотря на то, что его идеи были близки по духу русской культуре, они не получили широкого применения. Русский историк психоанализа Ефим Эткинд подчеркивает, что «теоретики и творцы „серебряного века” отвечали на многие из тех вопросов, которые ставил Фрейд, но отвечали иначе»¹. Интерес к психоанализу в литературоведении появился в 20-ые годы XX века. В России одним из первых, кто применил психоаналитический метод в интерпретации художественных произведений, является Иван Ермаков. Его работы были посвящены анализу творчества

¹ А. Эткинд, *Эрос невозможного. История психоанализа*, Санкт-Петербург 1993, с. 50.

Александра Пушкина и Николая Гоголя. Русский исследователь отмечает, что психоанализ «даёт возможность познавать творчество и отдельные произведения как органическое целое, обусловленное взаимодействием между бессознательными влечениями и сознательными задачами писателя»². Однако исследования Ермакова в большинстве своём были восприняты неодобрительно, «его имя чаще всего звучало как пример злоупотребления фрейдизмом в отношении литературного текста»³.

По идеологическим причинам в конце 20-х годов XX века психоанализ в СССР был запрещен и «фактически сошел с исторической сцены советской действительности»⁴. Возрождение психоанализа в России приходится на рубеж XX-XXI веков, в этот период меняется политическая обстановка в России, происходит деидеологизация общественной и культурной жизни. В начале 90-ых годов XX века появился активный интерес к психоанализу: начали переиздаваться и переводиться книги, возобновили свою деятельность психоаналитические школы. Психоаналитический метод вызвал большой интерес у ряда исследователей, специализирующихся как в сфере психоанализа, так и в области литературоведения. Русский исследователь Валерий Лейбин обратил внимание на интересный факт, что в зарубежном литературоведении наметилась тенденция применения психоаналитического метода при анализе русских произведений⁵. Большинство исследователей, как российских, так и иностранных, анализируют классическую русскую литературу, при этом оставляя без внимания современную литературу, которая «стала не только вполне осознанно ориентироваться на

² И.Д. Ермаков, *Психоанализ литературы*, Москва 1999, с. 8.

³ Н.И. Прохорова, *Влияние психоанализа на русское литературоведение и литературную критику 1920-х годов*, дис. канд. фил. наук, Москва 2003, с. 14.

⁴ В.М. Лейбин, *Психоанализ в России XX века*, www.iworld.ru/attachment.php?barcode=978531800210&at=exc&n=0

⁵ В.М. Лейбин, *Психоаналитическое видение художественной литературы* [в кн.:] В. М. Лейбин (сост.), *Классический психоанализ и художественная литература*, Санкт-Петербург 2002, с. 12.

открытия психоанализа, но и начала переосмыслять, иронически осмеивать идеи Фрейда. Попадая в поле постмодернистской игры, они искажаются и деформируются в зеркале гротеска»⁶.

Обратим внимание на прозу современного российского писателя Дмитрия Липскерова. В его произведениях наблюдается осознанная ориентация на психоаналитические идеи. В связи с тем, что в рамках данной статьи не представляется возможным затронуть все аспекты психоанализа, остановимся подробнее на авторской концепции творчества и проблеме Эдипова комплекса, которая особо ярко проявилась в сборнике рассказов и повестей *«Эдипов комплекс»*.

На данный момент не имеется автобиографии, мемуаров, дневниковых записок и т.п. ныне живущего автора, поэтому материалом для исследования послужат художественная литература и интервью, взятые у писателя Липскерова. Отвечая на вопросы журналистов о личной жизни, он предельно откровенен. Солидарны с мнением Григорьева, что «весь этот, пусть большой, материал все же не может заменить прямых показаний подвергаемого психоанализу человека – поэтому так тщательны должны быть наши изыскания материалов и так осторожны во многих случаях гипотетические выводы»⁷.

Проанализировав интервью⁸, можно сделать вывод, что жизнь Дмитрия Липскерова не проста. Как сам признаётся

⁶ Т.Г. Прохорова, *Фрейдистские идеи и символы в интерпретации Д. Липскерова* [в кн.:] Р. Г. Галиуллина (ред.), *Русская и сопоставительная филология: состояния и перспективы*, Казань 2004, с. 323.

⁷ И. Григорьев, *Психоанализ как метод исследования художественной литературы* [в кн.:] В. М. Лейбин (сост.), *указ. соч.*, с. 339.

⁸ *Дмитрий Липскеров: Россия никогда не была на краю такой пропасти*,

http://www.bbc.co.uk/russian/interactivity/2010/04/100331_interview_lipskerov.shtml, *Мы с Кориковой с удовольствием занимались сексом даже после развода!* <http://kp.ru/daily/24428/597752/>, *Переход на личности*, <http://www.mk.ru/social/highlife/interview/2009/06/06/>

писатель, его детство не было счастливым, он не был ребенком любви. Он родился в артистической семье, его отец Михаил Липскеров кинодраматург и сценарист мультфильмов, а мать Инна Липскерова была музыкальным редактором. Будущий писатель проводил мало времени с родителями. Когда он был совсем маленьким, его отдали в детский сад на пятидневку, а потом в школу-интернат на шестидневку. Родители забирали ребенка только на выходные, и часто ребёнок подвергался избиениям со стороны матери. Воспитанием мальчика больше всего занимались дедушка и бабушка. Когда мальчику было девять лет, его родители развелись: «Но это событие не принесло мне таких уж страданий: я и без этого настрадался так, что, видимо, в какой-то момент просто «выключил» в себе все эмоциональные функции»⁹. Большие страдания принёс второй брак матери. Выбранный ею мужчина не был положительно воспринят Липскеровым: «Мама вышла замуж за странного человека – он до сих пор вызывает у меня сомнения»¹⁰. Несмотря на то, что с родителями у писателя не сложилось хороших отношений, смерть матери была для него сильным потрясением: «Я очень тяжело переживал смерть мамы. Она – самая большая и самая несчастная любовь в моей жизни»¹¹.

Составленная нами биографическая справка писателя даёт возможность глубже понять особенности его художественных текстов. Многие герои произведений Липскерова проходят тот же жизненный путь, что и он. По мнению Липскерова, писатель не должен отображать реальность или историю, он „должен отображать собственный мир, и как он сталкивается с внутренним миром других людей и с неким миром, который в реальности нас окружает”¹². Например, Митю Петрова из романа *«Последний сон разума»*

⁹ *Переход на личности*,

<http://www.mk.ru/social/highlife/interview/2009/06/06/290498-perehod-na-lichnosti.html>

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Дмитрий Липскеров: Россия никогда не была на краю такой пропасти*, указ. соч.

и героя-повествователя из рассказа «*Эдипов комплекс*» также отдали в детский дом, избивание матерью ребёнка показано в романе «*Всякий капитан – примадонна*», картины интимной жизни писателя особо ярко описаны в сборнике новелл «*Мясо снегиря*».

Обращение Липскерова к творчеству даёт ему возможность раскрыть своё «Я», разобраться со своими переживаниями, избавиться от них: «И написал пьесу про нашу с Леной [Дробышевой] любовь, как я это понимал. И вдруг страдания мои закончились, они были отданы бумаге»¹³. Данное высказывание писателя свидетельствует о том, что творчество для него является обретением катарсиса¹⁴. Кроме этого в произведениях реализуются бессознательные желания автора: «Книги – это то, что мы недожили в настоящей жизни, что нам хотелось бы попробовать, то, в чём мы боимся себе признаться даже во сне и что иногда прорывается в подсознании. Все самое интересное связано с пороком. Главное, чтобы этот порок существовал все же на грани дозволенного»¹⁵. Липскеров признаётся в том, что литература «это форма истерии [...] вместо того, чтобы стучать кулаком, я заканчиваю книгу и испытываю радость, что могу не писать еще год и заняться другим»¹⁶. Таким образом, Липскеров вслед за психоаналитиками понимает творческий процесс как один из способов сублимации, т.е. происходит перенаправление энергии на достижения социально приемлемых целей, благодаря чему снимается внутреннее напряжение.

¹³ *Переход на личности*, указ. соч.

¹⁴ Однако в интервью Московскому Комсомольцу (*Кризис среднего возраста*) Д. Липскеров подчёркивал, что для него литература — скорее повинность, нежели обретение состояния катарсиса. См. <http://www.mk.ru/culture/interview/2011/06/17/598360-krizis-pisatelya-srednego-vozrasta-.html>

¹⁵ *Писатель ленивая тварь?* http://gazeta.aif.ru/_/online/aif/1111/09_01

¹⁶ *Кризис среднего возраста*,

<http://www.mk.ru/culture/interview/2011/06/17/598360-krizis-pisatelya-srednego-vozrasta-.html>

По мнению психоаналитиков, искусство базируется на сексуальном детском желании, Эдиповом комплексе¹⁷. Сущность этого комплекса заключается в бессознательном влечении к родителю противоположного пола и враждебное побуждение к родителю того же пола. При помощи фантазий сыновья, отказавшиеся от своих намерений стать заместителями отца в реальной жизни, ставят себя на его место в воображении, пытаюсь таким образом удовлетворить свои бессознательные влечения. Освобождение бессознательных влечений происходит при помощи механизма переноса или замещения, соединяя прежние аффекты с новыми представлениями¹⁸. Липскеров этому комплексу посвятил целый сборник рассказов и повестей под заглавием «*Эдипов комплекс*». Таким образом, его книга может быть воспринята как своеобразная иллюстрированная азбука психоанализа, она содержит едва ли не все основные его понятия¹⁹.

Подробнее рассмотрим рассказ «*Эдипов комплекс*» и повести «*Груша из папье-маше*», «*Ожидание Соломеи*». Первых два произведения сближает повествование от первого лица, которое способствует раскрытию психологии героев, их внутреннего мира. Писатель стремится описать события, которые оставили след в психике героев. В этих произведениях на первый план выдвигается субъективное, индивидуальное начало. Ярko и полно передать состояния героев помогает выбранная автором форма повествования – воспоминания, которые смешиваются с фантазиями: например, в рассказе «*Эдипов комплекс*» одни и те же события героиня интерпретирует по-разному. В начале повествуется о том, что двое мужчин вторглись в квартиру героя, и предоставили матери на выбор две возможности: «...либо мы дочь вашу

¹⁷ З. Фрейд, *О психоанализе. Лекции*, Минск 2007, с. 187.

¹⁸ Л. Выготский, *Искусство и психоанализ* [в кн.:] В. М. Лейбин (сост.), указ. соч., с. 355.

¹⁹ Т.Г. Прохорова, *Диалог с Фрейдом в современной русской литературе*, [в кн.:] П.Е. Бухаркина (ред.), *Русская литература в контексте мировой культуры. Место и роль русской литературы в мировом образовательном пространстве*, т. 1, ч. 1, с. 200; <http://meropr.ropryal.ru/liter2008/img/tom11.pdf>

убьем, либо сына». Мать выбирает сына: «Усатый приставил пистолет к моему лбу и нажал на курок». После описания этой трагической сцены, герой признаётся, что это была его фантазия, и предлагает «достаточно правдивую историю возникновения вмятины в голове»:

В два с половиной года у меня не было солдатиков. Вместо них были обыкновенные гвозди [...]. Однажды я споткнулся о порог и со всего маху упал лбом на гвоздь, который ушел по самую шляпку в мозги»²⁰.

На первый взгляд, между этими двумя историями нет ничего общего, кроме вмятины в голове. Однако можно обнаружить, что при описании этих событий Липскеров использует предметы, символизирующие мужские гениталии. Фрейд отмечает, что мужской орган символически заменяется предметами, имеющими с обозначаемыми сходство проникать внутрь и причинять ранение [...] и очень подходящий по своей форме револьвер»²¹, а также «открывающий ключ является несомненным мужским символом»²². Так, в первой фантазии у мужчин, которые вошли в квартиру в руках были револьвер и ключ, а во второй фантазии – гвоздь. Следует также обратить внимание на места, в которых происходят эти события – комната и коридор, являющиеся женскими символами. От проникновения гвоздя в голову герой не почувствовал боль, а испытал удовлетворение:

...ни с чем не сравнимое ни до, ни после случившегося. Как будто тысячи любовных окончаний слились воедино. Все то, что испытывают мужчины и женщины, цветки, опыляемые шмелями, нарождающиеся звезды – и досталось все это мне одному²³.

Герой на протяжении всей своей жизни стремится к повторному получению удовольствия. Он просит своего знакомого нейрохирурга сделать ему операцию, «отыскать

²⁰ Д. Липскеров, *Эдипов комплекс* [в кн.:] Д. Липскеров, *Пальцы для Кэролайн*, с. 309.

²¹ З. Фрейд, *О психоанализе*, с. 137.

²² Там же, с. 141.

²³ Д. Липскеров, *Эдипов комплекс*, с. 310.

в мозгу ту точку...»²⁴. Друг сделал операцию, но герой ничего не чувствует: «Вот уже полчаса как я сижу со спицей в голове, но ничего не происходит»²⁵. Неудачу врач объясняет тем, что в детстве мозг «был чист, как неиспользованная фотопленка. Все, что ты узнавал, было для тебя новым и неожиданным. То, что в детстве твой мозг классифицировал как наслаждение, с возрастом субъективно перерастало в обыкновенность»²⁶. В связи с тем, что герой не может таким образом получить наслаждение, он окунается сначала в мир фантазий, являющиеся удобным средством замены действительности. Затем он и вовсе уходит из жизни, ибо «принцип удовольствия находится в подчинении у власти к смерти»²⁷.

Если в «*Эдиповом комплексе*» фантазии имеют опосредованно сексуальный характер, раскрывающийся на символическом уровне, то в «*Груше из папье-маше*» они напрямую направлены на сексуальный объект. Марку Терлицкому представляются половые отношения с троюродной сестрой. У героев с помощью фантазирования происходит удовлетворение желаний, «которых мы стыдимся, которые мы должны скрывать от самих себя и которые поэтому вытесняются в область бессознательного»²⁸. В рассказе «*Эдипов комплекс*» герой даже задаётся вопросом: «Отчего такие фантазии? Может быть, от тоски». Фрейд подчеркивает, что «фантазирует отнюдь не счастливый, а только неудовлетворенный»²⁹. Бессознательные грёзы являются симптомом невроза. Можно предположить, что причиной этого психического расстройства героя становится инцестуозное влечение, а именно Эдипов комплекс. Фрейд

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 330.

²⁶ Д. Липскеров, *Эдипов комплекс*, с. 331.

²⁷ З. Фрейд, *По ту сторону принципа удовольствия* [в кн.:] З. Фрейд, *Психология бессознательного*, (сост. Г. Ярошевский), Москва 1990, с. 424.

²⁸ З. Фрейд, *Психологические этюды*. Цит. по: Л. С. Выготский, *Психология искусства*. Минск 1998, с. 79.

²⁹ З. Фрейд, *Художник и фантазирование* [в кн.:] Р. Ф. Додельцева (ред.) *Художник и фантазирование*, Москва 1995, с. 129.

отмечает, что «эдипальная стадия развития детской сексуальности характерна для возраста от трех до пяти лет. Однако страх наказания со стороны отца (комплекс кастрации) вытесняет Эдипов комплекс в бессознательное, и в зрелом возрасте эти переживания могут проявляться лишь, как правило, в форме невроза»³⁰. Следует подчеркнуть, что Липскеров большое внимание уделяет именно событиям из детства героя, например, в «*Эдиповом комплексе*» автор указывает на возраст героя близкий к эдипальной стадии, – два с половиной года. Также писатель наделяет своих героев и другими присущими для эдипова комплекса признаками: обнаруживается бессознательное влечение к родителю противоположного пола и враждебное побуждение к родителю того же пола. Так, мальчик из рассказа «*Эдипов комплекс*» испытывает к своей матери сексуальные чувства:

... я смотрел на ее расплывшиеся по телу груди (...)
Мать глухо стонала, рыбки куда-то уплывали,
и внимание мое приковывало то место, из которого
я появился на свет. Я трогал его, теплое и странное,
и удивлялся, что у нее все по-другому, будто я ей не
родной, а она просыпалась и со сна подставляла мне
горшок. Мой живот с наслаждением сдувался, и я
засыпал, уткнувшись в подмышку, пахнущую
вермишелевым супом³¹.

Согласно Фрейду, акт сосания материнской груди является самым важным в жизни, он становится исходным пунктом всей сексуальной жизни, «недостижимым прообразом всякого сексуального удовлетворения в будущем, к которому в тяжелые времена часто возвращается»³².

В произведениях Липскерова образ матери множится, она выступает не только как женщина, родившая ребенка, и объект вожделения, но и как часть природы. Это можно объяснить тем, что архетип матери тесно связан с той частью психики, которая по-прежнему полностью остается во власти

³⁰ В. Руднев, *Словарь культуры*,
<http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt>

³¹ Д. Липскеров, *Эдипов комплекс*, с. 317.

³² З. Фрейд, *О психоанализе*, с. 283.

природы: именно поэтому мы часто употребляем выражение Природа-Мать³³. Так, липскеровская героиня:

...огромного роста девица с бетонными бедрами, с огненно-рыжей головой, косой, толщиной с березу, огромными грудями, каждая величиной с круглый аквариум (...). Словно замешенная на сгущенном молоке, цельная, не разбавленная цивилизацией, как глыба льда, позолоченная солнцем...³⁴

Влечение героя к матери можно интерпретировать не только как проявление Эдипова комплекса, а как влечение к первоистoku, к природному началу³⁵. Однако психоаналитики обращают внимание на то, что влечение к матери сублимируется в любовь к родине и шире – к матери-земле³⁶. Не случайно в повести «Груша из папье-маше» Эдипов комплекс обостряется именно за границей: герой, находясь вдалеке от матери, начинает скучать по родине. Разделение ребёнка и матери произошло по вине отца, к которому мальчик начинает испытывать враждебное побуждение. Герой дает себе клятву отомстить ему, что приводит к реализации мотива отцеубийства.

В рассказе «Эдипов комплекс» представлен другой тип взаимоотношений сына и отца. С одной стороны, говорится о безразличном отношении мальчика к отцу: ему «было наплевать»³⁷, но с другой стороны, герой видит в нём соперника. Приезд отца домой из командировки герой Липскерова расценивает как помеху. Отец разделяет мальчика от матери, перекладывая его на кресло-кровать, в котором жили клопы: «...он занимал моё место на тахте, целыми ночами тискал мать, а меня в это время жрали кровопийцы»³⁸. По мнению Т.Г. Прохоровой, в данном случае неприязнь

³³ С. Биркхойзер-Оэри, *Мать. Архетипический образ в волшебных сказках*, <http://psiland.narod.ru/psiche/Sibylle/02.htm>

³⁴ Д. Липскеров, *Эдипов комплекс*, с. 314.

³⁵ Т. Г. Прохорова, *Диалог с Фрейдом...*, с. 208.

³⁶ И. Григорьев, *Психоанализ как метод исследования художественной литературы* [в кн.:] В. М. Лейбин (сост.), *указ. соч.*, с. 333.

³⁷ Д. Липскеров, *Эдипов комплекс*, с. 317.

³⁸ Там же, с. 317.

мальчика к отцу получает бытовую мотивировку³⁹. Герой с отвращением относится к сексуальным отношениям своих родителей, он стремится их предотвратить:

Родители на радостях до рассвета пытались любить друг друга, но я в злобной мстительности в самые ответственные моменты подавал голос⁴⁰.

Фрейд в своих работах, рассматривая Эдипов комплекс, описывает аналогичную ситуацию: «... маленький мужчина хочет всецело владеть матерью только для самого себя, чувствует присутствие отца как помеху, злится, когда отец позволяет себе нежности по отношению к матери, выражает своё удовольствие, когда отец уезжает или находится в отсутствии»⁴¹.

В липскеровском произведении, несмотря на ненависть сына к отцу, отсутствует мотив отцеубийства. Отец сам уходит из семьи, и герой в борьбе с отцом за место с матерью побеждает. Но на этом его «эдиповское» противостояние не завершается: у матери появляется сожитель – карлик Жорик, а у мальчика – соперник. В этой борьбе герой также выходит победителем. Во время спектакля Жорика убивают мстящие женщины (он был «слишком охоч до женского полу»⁴²), они ему отрубает голову (вместо манекена они «сунули под нож голову настоящего Жорика»⁴³). Его убийство можно связать с комплексом кастрации: «Отрубление головы известно как символическая замена кастрации»⁴⁴, то есть имеется в виду сыновий страх перед отцом⁴⁵. Интересным представляется факт, что в этом рассказе происходит убийство именно сожителя матери. Можно предполагать, что автор тем самым реализует своё желание, которое не было возможным

³⁹ Т.Г. Прохорова, *Диалог с Фрейдом...*, с.207.

⁴⁰ Д. Липскеров, *Эдипов комплекс*, с. 311.

⁴¹ З. Фрейд, *О психоанализе*, с. 300.

⁴² Д. Липскеров, *Эдипов комплекс*, с. 320.

⁴³ Там же, с. 320.

⁴⁴ З. Фрейд, *Три очерка по теории сексуальности*,
http://sbiblio.com/biblio/archive/freid_psihsexual/02.aspx

⁴⁵ Т.Г. Прохорова, *Диалог с Фрейдом ...*, с. 207.

в реальности – избавиться от второго мужа матери, вызывавшим у писателя неприязнь.

Проблема Эдипова комплекса в произведениях Липскерова не статична, она не ограничивается моделью ребёнок-мать-отец. Писатель вслед за Фрейдом показывает многосторонний характер данной проблемы и все возможные её составляющие: «Эдипов комплекс разрастается в семейный комплекс, когда появляются другие дети. Вновь опираясь на эгоистическое чувство, он мотивирует отрицательное отношение к появлению братьев и сестёр и желание непременно устранить их»⁴⁶. В произведениях Липскерова наблюдается распространение Эдипова комплекса на других членов семьи. Например, в рассказе «*Эдипов комплекс*» первую фантазию героя стоит рассматривать именно в данном контексте. Мальчик испытывает ревность к сестре, потому что она делит ложе с матерью. Происходит распространение Эдипова комплекса на других членов семьи, т.е. на сестру, которая воспринимается героем как соперница.

Другие модели этого комплекса можно найти и в повести «*Груша из папье-маше*». Троюродная сестра по имени София выступает объектом любви, вероятно, она является аналогом матери. Фрейд подчеркивает, что «мальчик может выбрать объектом любви сестру как замену неверной матери»⁴⁷. В роли соперника главного героя можно было бы рассматривать его брата, Айзека. Между братьями сложные взаимоотношения: Айзек постоянно выставлял своего младшего брата в неловком положении перед Софией. Он при каждом возможном случае унижает, оскорбляет брата, ведет себя агрессивно. По этой причине Марк тоже стал испытывать к своему брату ненависть, как ответное чувство. Однако, эта ненависть однажды сменилась восхищением. Внезапно герой стал «испытывать ни с чем не сравнимое чувство восторга по отношению к брату»⁴⁸. Постепенно Айзек становится объектом

⁴⁶ З. Фрейд, *О психоанализе...*, с.302.

⁴⁷ Там же, с. 302.

⁴⁸ Д. Липскеров, *Груша из папье-маше* [в кн.:] Д. Липскеров, *Пальцы для Кэролайн*. с. 14.

для подражания. Согласно теории Фрейда, Марк начинает идентифицировать себя с братом, т.е. происходит «уподобление Я чужому Я, вследствие чего первое Я в определенных отношениях ведет себя как другое, подражает ему, принимает его в известной степени в себя»⁴⁹. Марк надевает рыжий парик и накладывает грим, он хочет быть как брат, его Я меняется по образцу брата. Мотив идентификации также проявляется и в «*Эдиповом комплексе*». Герой перед операцией сбривает волосы на голове и надевает рыжий парик. Однако в этом рассказе рыжеволосой⁵⁰ выступает мать героя. Мальчик делает ее объектом своего выбора, т.е. он хочет обладать своей матерью.

Липскеров также уделит внимание Эдипову комплексу и в повести «*Ожидание Соломеи*». Однако здесь, по сравнению с ранее рассмотренными произведениями, он не является структурообразующим и смыслообразующим элементом. В этой повести писатель опровергает наличие у ребенка этого комплекса. В «*Ожидании Соломеи*» не обнаруживается сцен с ярко описанными сексуальными влечениями героя к матери. Автор изображает глубокие чувства сына к матери, в которых «не было ни толики сексуального звучания»:

Ни один, даже самый плохой, психолог, проанализировав психику Миомы, не смог бы настаивать на присутствии Эдипова комплекса.

⁴⁹ З. Фрейд, *О психоанализе*, с. 343.

⁵⁰ Следует обратить внимание на то, что одной из особенностей липскеровских текстов является наличие в них сквозного образа рыжеволосой женщины. Этот образ также встречается и в романах Липскерова («*Последний сон разума*», «*Сорок лет Чанчжою*», «*Родичи*» и др.). Например, Батый – герой романа «*Последний сон разума*» убивает воспитательницу детского дома Кино Владленовну и тяжело ранит приютившую его нянечку Кузьминичну. Общей чертой героинь являются рыжие волосы. Убийство рыжеволосых женщин представляется не случайным: как известно, мать автора «была красивой рыжей женщиной». Автор на страницах своих произведений мстит матери и воспитательнице за жестокое обращение с ним в детстве.

Просто Миома так любил и почитал свою мать, как не любят и не почитают со времен Ветхого завета⁵¹.

Писатель переосмысляет отношения сына и отца. У отца вместо радости, возникают негативные чувства к сыну, он испытывает к нему ревность и отвращение:

Все в Миоме раздражало его. Заставая жену за кормлением младенца, видя, как он ненасытно ест молоко, отец чувствовал, как к горлу подступает тошнота и вся плоть восстает против такой картины: желтушный ребенок жадно сосет грудь семидесятилетней старухи⁵².

В этом произведении присутствуют также мотив смерти отца. Однако он носит определенно пародийный характер: смерть отца наступила по вине сына, он убил его своим внешним видом.

Таким образом, рассказ «*Эдипов комплекс*» и повести «*Груша из папье-маше*», «*Ожидание Соломеи*» Липскерова представляют собой вариации Эдипова комплекса. Особо ярко эта проблема проявилась в рассказе «*Эдипов комплекс*». Здесь автор активно использует не только идеи психоанализа, но также фрейдовскую символику. Писатель показывает, что Эдипов комплекс может проявляться не только в модели ребёнок-мать и отец, но также распространяться и на других членов семьи («*Груше из папье-маше*», «*Эдипов комплекс*»). Несмотря на то, что в «*Ожидании Соломеи*» автор не описывает сексуальных чувств ребенка к матери и не испытывает к отцу ненависти (в связи с его ранней смертью), проблема Эдипова комплекса также затрагивается. Судьба героев Липскерова во многом обусловлена авторскими бессознательными желаниями: избавиться от неприятного второго мужа матери, отомстить матери и воспитательнице. Можно утверждать, что благодаря творчеству Липскеров

⁵¹ Д. Липскеров, *Ожидание Соломеи* [в кн.:] Д. Липскеров, *Пальцы для Кэролайн*, с. 222.

⁵² Там же, с. 220.

очищается, т.е. творчество выполняет катарсическую функцию.

Proza Dmitrija Lipskierowa i psychoanaliza

W artykule przedstawiono w perspektywie psychoanalitycznej prozę współczesnego pisarza rosyjskiego Dmitrija Lipskierowa. Wiele jego utworów zawiera wariacje na temat kompleksu Edypa. Dzięki twórczości autor w swych utworach realizuje podświadome marzenia.

Słowa kluczowe: D. Lipskierow, psychoanaliza, kompleks Edypa, fantazje

The prose of Dmitiri Lipskerov and the psychoanalysis.

The article presents the prose of contemporary Russian writer Dmitiri Lipskerov in psychoanalytical context. Many of his major works include variations on the theme of Oedipus complex. Thanks to his works novelist is realizing his unconscious dreams.

Key words: D. Lipskerov, psychoanalysis, Oedipus complex, imaginations

Ирина Попадейкина – выпускница Томского педагогического университета, аспирантка Вроцлавского университета. Область научных интересов: современная русская литература и преподавание русского языка как иностранного.